

БРОШЕННАЯ В БЕЗДНУ

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

ОРХАН КЕМАЛЬ

СТЕХ ПОР как Назан была препровождена в отделение тюрьмы для особо опасных преступников, прошло немало времени. Она привыкла к ругательствам, пинкам и пощечинам. Арестантка Недиме по прозвищу Цыганка совсем поработила ее, превратила в свою служанку. Назан все сносила безропотно, тем более, что за душой у нее не было ни гроша.

Так здесь, в тюрьме, Назан вновь попала в привычную колею. Она опять оказалась под властью, почти мужской, ибо Недиме по характеру своему была мужчиной в образе женщины. Подобно тем, кто недавно валялся с Назан в постели, эта строптивая женщина предъявляла на нее свои ничем не ограниченные права, требовала, чтобы та стряпала и подавала ей обед¹ и содержала их немудрящее тюремное хозяйство в полном порядке. Если бы Цыганка приказала: «Умри!», то Назан, не рассуждая, покорилась бы своей участи.

Когда намаявшись за день, Назан добиралась наконец до нар, Недиме взглядом приказывала ей лезть под свое одеяло. Постепенно женщины, лежащие вокруг, засыпали. В тюрьме наступала тишина, которую нарушало лишь постукивание ковашиной, которую нарушало лишь постукивание ковашиной, которую нарушало лишь постукивание ковашиной. И тогда новых сапог жандармов о каменные плиты. И тогда Недиме, растолкав задремавшую Назан, приказывала ей любить себя.

Сначала молодая женщина испытывала ужас и отвращение. Она рыдала, ей становилось дурно. Однако пощечины, на которые не скупилась Недиме, и ее колючий взгляд сломили Назан. Она покорно приняла и это. Могла ли она противиться

сестрице Недиме — ведь та кормила ее! Да и что, собственно, могли значить для Назан объятия и ласки такой же арестантки, как она сама, после того, как ей приходилось в доме Сами спать со столькими мужчинами?..

Но вот это ставшее уже привычным течение тюремной жизни было нарушено приходом надзирательницы. Назан плелась по длинным тюремным коридорам и все пыталась сообразить, кто же мог прислать ей адвоката. Когда же, смущаясь и робея, она вошла в канцелярию и увидела челогека, сидящего в правом углу на скамейке, комната заходила у нее перед глазами. Ноги не держали ее, она сползла на пол, сотрясаясь от рыданий.

Мазхар — это был он — дрожал от волнения, потрясенный видом Назан. Мысль о том, что он, он причина страданий, которые выпали на долю этой несчастной, вызвала в нем нестерпимую боль и горечь раскаяния. Он побледнел как полотно, подбежал к Назан, схватил ее за руки и попытался поднять.

— Не плачь, Назан, не плачь! Смотри, я пришел, — успокаивал он рыдавшую женщину. — Не убивайся так — все еще переменится к лучшему. Я ознакомился с твоим делом и полагаю, что правосудие не будет к тебе слишком сурово. Ведь ты была не более чем пособницей, а преступление совершили другие. Не надо так терзаться.

Назан словно окаменела. Ее привел в себя резкий голос начальника тюрьмы. Чего же она медлит? Время свидания, которое он разрешил исключительно из уважения к господину Мазхару, истекает...

Мазхар пододвинул ей скамью, и Назан машинально присела на самый край. Медленно подняв глаза, она спросила:

— А как мой Халдун?

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 3 — 4 за 1965 год.

¹ В старых турецких тюрьмах заключенные питались за свой счет.

Отвернувшись, чтобы никто не заметил набежавших слез, Мазхар ответил:

— Ты не беспокойся! Мальчик чувствует себя очень хорошо!

— Он не вспоминает обо мне?

Ком подкатил к горлу Мазхара. «Что ей ответить? Как лучше сказать: скучает или не скучает?»

— Разве он может не вспоминать о матери?

— Прошу вас, никогда не говорите ему... Я хочу, чтобы он никогда не узнал... Чтобы он не знал, что я стала скверной женщиной.

Мазхар более не мог терпеть этой пытки. Но понимая, что необходимо наконец взять себя в руки, он повернулся к Назан и, стараясь казаться спокойным, сказал:

— Один из моих друзей скоро придет в тюрьму. Ты дашь ему полномочия вести свое дело. У начальника тюрьмы я оставлю для тебя деньги — будешь брать, сколько понадобится... А когда даст аллах, ты выйдешь отсюда, то сможешь приехать и повидаться с сыном. И еще запомни: ты вовсе не скверная, падшая женщина. Все произошло не по твоей воле, а в силу стечения многих обстоятельств...

У Назан гудело в ушах. Она ничего не понимала, кроме того, что сын, который был для нее всем, всем на свете, снова как-то приблизился.

Ее стали торопить, но когда она уже выходила, то вдруг вспомнила о перстне.

— А ваш подарок я не продала. Он спрятан в ящике, вот у них, — Назан кивнула в сторону начальника тюрьмы.

— Да, — подтвердил тот. — Мы оставляем ценные вещи на хранение. Это наш обычный порядок.

Прошло несколько месяцев, и Назан вновь вызвали в канцелярию. Здесь с большим волнением ожидал ее прихода Нихат-бей. О аллах милостивый! Неужели перед ним та самая соседская девушка — нежная, стройная? Куда подевались ее золотистые косы, доходившие до самых щиколоток? Ввалившиеся глаза, лицо в морщинах...

— Ты узнаешь этого господина? — спросил начальник тюрьмы.

Арестантка долго и тупо смотрела на незнакомого человека. Наконец она дважды показала головой:

— Нет!

Тогда Нихат подошел к ней совсем близко.

— Ты меня не узнаешь, Назан-ханым?

В ее глазах мелькнул протест.

— Ханым? Да какая я ханым? Давно это было... Я теперь фальшивомонетчица.

— Так я же Нихат, друг Мазхара. Помнишь, мы жили по соседству с тобой, когда учились в университете?

Откуда-то из глубины памяти Назан всплыли неясные, смутные воспоминания. Постепенно они начали приобретать более определенные очертания.

— Так и не вспомнила?

— Вы сказали «Мазхар»?

— Да, это мой друг. Царство ему небесное! Он погиб в автомобильной катастрофе.

— А что стало с Халдуном?

— Вот из-за него-то я и пришел сюда. Халдун живет с нами. О нем можешь не беспокоиться. Он ходит в школу, а потом будет учиться на доктора. Мы с женой любим его, как собственное дитя.

Назан только вздыхала.

— Не проводи время зря! — крикнул начальник тюрьмы. Его раздражало, что свидание так затянулось. — Господин пришел по поводу твоего сына. Если дашь согласие, он усыновит ребенка. Ему да-

дут образование. Твой сын станет доктором — плохо ли? А ты, когда отбудешь срок, сможешь поехать к нему и спокойно прожить до конца своих дней.

Назан встrepенулась:

— Нет, я не хочу к сыну! Я не смогу посмотреть в глаза своему сыну. Пусть лучше Халдун считает, что я умерла. Поступайте, как знаете... Берите его, учите, воспитывайте. Но только никогда не говорите, что у него такая мать!.. Умоляю вас, скажите ему, что я умерла! Умоляю!

Нихату и даже начальнику тюрьмы стало не по себе.

— Вы даете мне слово? — настаивала Назан.

— Хорошо, хорошо, будет так, как ты желаешь... Успокойся!

Начальник тюрьмы подготовил бумагу по всем правилам и показал Назан, где надо поставить подпись...

* * *

Наступил день, когда, закончив лицей с отличием, Халдун примчался в дом адвоката Нихата. Глава семьи лежал в постели с высокой температурой. «У него сильный грипп», — сказала Милая тетя, встречая Халдуна на пороге. Они вместе пошли в спальню к больному. Маленькая Нермин сидела у изголовья отца и отирала его вспотевший лоб.

— Ты все спрашивала, когда же придет Халдун. Вот он закончил лицей и явился, — сказала Милая тетя дочери.

Халдун приложился к руке дяди, поздоровался с Нермин и сел на предложенный ею стул.

Поздравив его и поговорив о том о сем, Нихат-бей спросил:

— Итак, лицей позади, какие же теперь у тебя планы?

Халдун давно был готов к ответу на подобный вопрос.

— Я поступлю на медицинский факультет.

— Отлично. Твой отец всегда желал видеть тебя врачом.

Из столовой неслись ароматы, возбуждавшие аппетит. Милая тетя приготовила в честь Халдуна отличный праздничный ужин. Даже больной поднялся с постели и сел вместе со всеми за стол.

Бутылка ароматного вина действовала лучше всякого лекарства. Нихат-бей ел с большим удовольствием, весело смеялся и оживленно беседовал. Время от времени он поглядывал на Нермин. Через шесть лет, когда Халдун пройдет стажировку и закончит образование, ей будет пятнадцать. Еще три года — и они смогут пожениться. Для Нермин это хорошая перспектива. К тому времени и она закончит лицей. А разве он мог бы найти для своей дочери кого-нибудь лучше Халдуна?

Нихат-бей наполнил вином стакан и осушил его залпом.

* * *

...В то лето они отправились в Стамбул все вместе. В одном из дачных пригородов Нихат снял прелестный коттедж, утопавший в зелени.

Ранним утром шли на пляж, купались в море, после чего старшие возвращались на отдых домой.

Нермин особенно любила эти часы. Хотя ни отец, ни мать не препятствовали их играм с братиком Халдуном, не делали даже замечаний, когда, бегая вперегонки, они скрывались с глаз, все же в отсутствие родителей было как-то повольготней. То же чувствовал и девятнадцатилетний Халдун. Его

охватывало глубокое счастье, когда, укрывшись с Нермин в тени деревьев, он брл в свои грубоватые мужские ладони ее крошечные ручонки и начинал рассказывать девочке какую-нибудь сказку Андерсена.

Это было чудесное время! А через год они снова поехали в Стамбул. Им повезло — прошлогодний коттедж еще не был сдан. Они провели лето в прогулках, задушевных беседах и по-детски чистых любовных встречах в саду при луне. А расставшись, всю зиму обменивались письмами, полными горячих признаний.

Нермин и не думала прятать послания своего нареченного. Поэтому Хикмет-ханым не стоило особого труда их прочитывать. Ее поразили глубина и серьезность чувств, захвативших юного Халдуна и подраставшую Нермин. Но она не испытывала тревоги, ибо видела, как чиста эта расцветающая любовь.

И вновь пришло лето. Нихат-бей написал Халдуна, что поручает ему подыскать для них подходящий домик на берегу Босфора. Тот проявил такое усердие, что осмотрел чуть ли не все дачные пригороды Стамбула. По совету своего приятеля он остановил выбор на прелестном коттедже в предместье Бургазе.

Через три дня поезд примчал на вокзал Хайдар-паша Милую тетю и еще более похорошевшую Нермин. Почему же, однако, не приехал Нихат-бей? Халдуну ответили, что он по горло занят важными делами.

Хикмет-ханым была в восторге от дачи. Она подробно описывала мужу, как они устроились, и общалась, что их дочь не может и часа пробыть без Халдуна.

Нихат-бей, углубившись в чтение письма, не заметил даже, что кто-то вошел в контору.

— Как поживаешь, отшельник, вдали от жизни мирской? — услышал он голос одного из своих приятелей-адвокатов.

— Добро пожаловать, — любезно закивал Нихат-бей, вставая. — Очень рад, очень рад!

— Почему все-таки ты не поехал отдыхать в Стамбул?

— Слишком дорогое удовольствие!

— Слава аллаху, ты зарабатываешь больше всех нас! Дом у тебя — настоящий дворец! Роскошная мебель, богатое убранство! Чего тебе не хватает?

Все это было верно. Он не испытывал недостатка ни в чем и мог отдыхать хоть десять лет. Да, деньги у него были. Но зачем было рассказывать этому закоренелому холостяку, что он решил не связывать своим присутствием дочь и будущего зятя?

Гость лениво зевнул, посмотрел на часы и сказал:

— Вставай, я поведу тебя в одно местечко. Есть тут неплохой кабачок, который прозвали «Под башмаком у жены».

Нихат достаточно хорошо знал историю этого заведения.

— Сомнительное местечко! — сказал он.

— Почему же «сомнительное»? После полуночи, правда, туда набивается разный люд — рабочие, матросы, грузчики. Но что нам до этого? Мы можем занять укромный угол и спросить пару бутылочек. К тому же ведь мы с тобой члены Народной партии — нам положено быть вместе с народом, делать все ради народа и во имя народа... Ну вставай, пошли!

Солнце уже опустилось в тихую гладь моря, горы затянуло синей вуалью, но было еще душно.

Город зажег электрические огни, однако по мере того, как они приближались к кабачку, фонарей становилось все меньше.

Увидев в дверях знакомого посетителя, хозяйка вышла из-за стойки:

— Входите, входите, господин, добро пожаловать!

Лицо второго гостя тоже показалось ей знакомым. Где она его видела? Наджие засуетилась.

— Пожалуйте, пожалуйста, господа. Вы уж извините меня за бедность, плохи у нас дела, совсем плохи. Все думаю, вот-вот поправятся, а нет — не выходит. Еще когда жив был мой муж, было все-таки легче. А сейчас словно ноги мои спутаны... Надо бы все здесь устроить по-другому, да где там...

Нихат-бей смотрел на хозяйку кабачка, в которой трудно было узнать прежнюю Наджие — служанку в доме Мазхара. Она очень похудела, лицо избородили морщины, и ему даже показалось, что она стала немного выше ростом.

— Когда умер твой муж? — спросил Нихат-бей.

«Где я слышала этот голос?» — снова подумала Наджие и пристально посмотрела на важного господина.

— Я тебя давненько знаю, — засмеялся Нихат.

— Меня?

— Да, лет пятнадцать, пожалуй.

На морщинистом лице женщины появилось подобие улыбки.

— Вы говорите — пятнадцать лет?

— Так не вспомнила?

— Память совсем отшибло, — вздохнула Наджие.

— А помнишь ли ты Мазхар-бея? Был такой адвокат...

— Да! — Она вздрогнула. — И помню, как он помер — автомобиль свалился в пропасть.

— Так вот я, дорогая, его друг — адвокат Нихат.

Тусклые глаза кабатчицы заблестели.

— Значит, вы адвокат Нихат-бей! А я как увидела вас, сразу подумала — этот господин мне знаком! Эх, сколько времени прошло с тех пор, сколько воды утекло! — Наджие вздохнула. — Как вы поживаете, бей-эфенди, как чувствует себя ханым-эфенди?

— Хорошо.

— А вы знали первую жену Мазхар-бея?

— Назан? Да.

— В газетах писали, что она была арестована — делала фальшивые деньги. А что с ней стало потом — не знаю. А вы что-нибудь слышали о ней?

Нихат не считал необходимым посвящать хозяйку кабачка в печальные подробности. Ведь Назан была матерью его будущего зятя. Да и сам он толком не знал, где она теперь и что с ней случилось. Ему было лишь известно, что на десятом году заключения Назан выпустили из тюрьмы по амнистии...

— Какое мы возьмем вино? — спросил он коллегу, желая переменить тему разговора.

— Она сама знает, что надо подать.

Наджие заковыляла к стойке и вскоре возвратилась с бутылкой красного вина.

— А куда девалась девица из бара?

— Она снова вышла замуж.

— Погодите, а Халдун?..

— Он учится в университете, скоро станет доктором.

— До-о-о-к-т-о-р-ом? — вытаращила глаза Наджие. — О-о-о! Слава аллаху!

Нихату порядком надоел этот разговор. Он стал оглядываться по сторонам. Кое-где на грязных стенах болтались дешевенькие олеографии. Они дав-

но выцвели и потемнели. Столы, табуреты, скамьи — все было старым и ветхим. У стойки толпились завсегдатаи: строительные рабочие, перепачканные известью и краской; заводской люд в синих комбинезонах; крикливые мелкие чиновники, немилосердно коверкавшие язык; какие-то забулдыги в широких брюках...

Казалось просто невероятным, что такой запущенный кабачок сохранился в городе, где все обновлялось, строилось и украшалось. В новых кварталах было полным-полно современных увеселительных заведений. И все же многие предпочитали убогий кабачок Наджие. Пожилым он напоминал о былых днях, а людей богемы влекла сюда тарина.

Когда Нихат-бей и его приятель принялись за вторую бутылку, в зале было уже полным-полно. Он гудел, словно улей. Несколько человек собралось вокруг грубо намалеванной картины и затеяли громкий спор, грозивший окончиться дракой.

— О аллах! Каждый день одно и то же. Постеснялись бы хоть господ. В кои веки они заглянули к нам...

— Оставь, Наджие-ханым, пусть люди беседуют. Они нам ничуть не мешают, — сказал Нихат.

— Каждый день одно и то же, господа! — сетовала Наджие. — Нажрут вина и давай орать!

Важные господа молчали. В конце концов пришлось замолчать и Наджие. Допив вино, друзья адвокаты поднялись. Была уже ночь.

* * *

Глубокий шрам от ножевой раны прочертил лицо от виска до подбородка... Этот «подарок» Назан получила от одного из сыновей Цыганки Недиме, у которой она поселилась после выхода из тюрьмы. Так закончилась ее попытка отказаться от торговли наркотиками. Как только рана стала затягиваться, пришлось снова начать торговлю. Теперь ей велели сбывать крупные партии — а в оптовой торговле было еще больше риска...

Однажды ей сунули полкилограмма «товара» и велели отправиться на дальнюю окраину Стамбула в район Кадыкёй. Там ждал один человек. От страха подкашивались ноги, но как было не идти?

Человек оказался на месте. Он отсчитал деньги и, как было условлено, пошел за ней вслед. Но когда она словно нечаянно обронила пакет, раздались свистки.

Нет, нет, она не дастся им в руки! Бежать, бежать, сколько есть сил... Подкатил автобус, и Назан, не размышляя, ринулась в его открывшуюся дверь. Вскоре она уже подъезжала к вокзалу Хайдарпаша.

Послышался лязг буферов, гудки паровозов, какие-то крики, свистки... Поезд! Много, много лет назад она ехала сюда в поезде, покидая дом мужа... Ей сказали, что он погиб, но, быть может, найдется сын? О, она еще не сошла с ума, чтобы свалиться ему камнем на голову. Ей бы только взглянуть на него издали...

Она купила билет и села в поезд перед самым отправлением. Теперь наконец можно было облегченно вздохнуть. Поезд быстро уносил ее от побоев, тюрьмы и смерти. Что бы ни ждало ее впереди — она не вернется обратно. Даже если не найдет сына...

Город невозможно было узнать. Сначала она даже усомнилась — туда ли приехала? Но это был тот самый город, где прошла ее замужняя жизнь. Только теперь его улицы выглядели совсем по-иному — вдоль них стояли большие новые дома. Но

море было прежним. В этот темный, пасмурный день оно, как всегда, с шумом бросало волны на прибрежные скалы...

На одной из окраин ей удалось снять какую-то хибарку. Это был даже не домик, а заброшенная конюшня. Здесь сильно пахло навозом, жужжали конские мухи, но все это было ей безразлично.

Она долго бродила по улицам. Наконец... Да, это ее старое гнездо, где пережито немало радостей и страданий... Ей захотелось прижаться лицом к двери, погладить стены этого дома. Но как же он изменился! Где сад, в котором они гуляли с мужем и сыном? Где хибарка Наджие?.. Ничего! Вокруг стояли высокие здания.

Потемнело. Надо было уходить — ее мог прогнать сторож. Что ж, она и не надеялась много узнать в этот день...

Но едва настало утро, она вновь появилась здесь. Дул холодный, пронизывающий ветер. Пусть! Она решила ждать до тех пор, пока совсем оконечет.

* * *

...Нищенка плелась за юной парой до самого рынка и уселась на камень почти у порога врачебного кабинета. «Не могла выбрать место побойчей! — подумала кабатчица Наджие и тут же спохватилась: — Да что я, в самом деле, — ведь она мать этого доктора! Сынок-то скоро разбогатеет...»

Наджие было известно, что молодой человек обручен с дочерью того самого адвоката Нихат-бея, который как-то заглянул в ее кабачок.

— Назан! — тихо позвала Наджие.

Ее узнали! О, это был сокрушительный удар. Теперь бежать, бежать что есть сил...

Целый день Назан просидела в своей хибарке, нахохлившись, словно большая испуганная птица. Время от времени она машинально наполняла стакан и пила. В хибарке царила непроглядная тьма. Но вот в щели ставен, наглухо закрывавших маленькое окошко, брызнули лучи света. Значит, на дальнем углу зажегся электрический фонарь.

Вот и наступил вечер! Женщина нашарила лампочку, чиркнула спичкой и пошатнулась. Еще немного, и она свалилась бы прямо на земляной пол. Мрачное логово вихрем закружилось вокруг. Она опустилась на ворох соломы. «Я совсем пьяная, — думала Назан. — А если вдруг явится полиция? Быть может, кабатчица уже побывала у сына?.. Но ведь прошел целый день, и никто не постучался... Наверно, Наджие ничего не сказала, — пыталась она успокоить себя. — Ах, да что там! Не сказала сегодня — пойдет к нему завтра...» Больше здесь нельзя было оставаться. Она должна исчезнуть навсегда и не позорить своего сына! Да, ей нужно уходить сегодня же ночью!

Назан осторожно приоткрыла дверь, ветер со свистом ворвался в хибарку. И тут она вспомнила: «Перстень!» Метнувшись в угол, она разгребла землю. «Вот он!» Драгоценный камень блеснул, заиграл, заискрился при слабом свете маленькой лампы...

Внезапно раздался стук в дверь. Назан вздрогнула, сердце ее бешено заколотилось. «Кто это? Полиция?» Ах, зачем она мешкала?

Стук повторился. Едва держась на ногах, Назан подошла к двери и дрожащими руками нащупала щеколду...

На пороге стояла женщина.

— Вам кого?

— Тебя! — И женщина переступила порог. Ветер с силой ударил дверь о стену.

— Кто вы такая?
— Не знаешь? Зато я тебя хорошо знаю! Дай мне дорогу!

Кабатчица оттолкнула растерявшуюся Назан, и та увидела при слабом свете мерцавшей лампочки лицо Наджие.

— Закрой дверь! Я принесла тебе вина.

Назан машинально повиновалась.

— Теперь не убежишь от меня!

Только сейчас она поняла, что совершила большую оплошность. «Что я наделала!» — в отчаянии подумала несчастная и закрыла лицо руками. Ослепительный блеск ударил в глаза Наджие. «Да ведь это тот самый перстень! Надо напоить ее до бесчувствия», — решила Наджие. — А там...» Она наполнила стакан.

— Бери!

— Не хочу!

— Почему? Я принесла тебе по старой дружбе.

— Не хочу! — Назан подняла голову. — Умоляю, не говори никому, что ты узнала меня!

— А почему ты таишься? Я бы на твоём месте не стала терпеть нужду, имея такого сына.

Назан метнулась, как подстреленная птица.

— Нет! Я не хочу! Не хочу, чтобы сын знал обо мне!

— Ты не хочешь, зато... — Глаза Наджие хищно сверкнули. — Зато я хочу!

— Что-о-о? — Назан с ненавистью взглянула на кабатчицу.

— Назан-ханым, — вкладчиво проговорила Наджие. — Ведь я для тебя стараюсь, пойми. Твой сын доктор, его невеста — дочь богатого человека. У него столько денег, сколько песка в пустыне... А мы с тобой бедняки.

— Нет, нет! Пусть сын считает меня мертвой! Зачем мне пятнать его имя и честь?

— Вот чепуха!

— погоди, а тебе что за дело?

— Мне? Денежки нужны — вот что!

— А при чем тут я и мой сын?

— Эге! Да у меня есть целый план! Ты поступай, как знаешь, а я, клянусь аллахом, пойду к нему и скажу: «Если не дашь денег, все узнают, какая у тебя мать!» Небось, побоится позора! У него скоро свадьба... А не захочет он — пойду к его тестю. Я не отступлюсь. Смотри — у меня ноги опухли от ревматизма. А почему? Потому что в кабачке очень сыро. Нужен ремонт — да где взять денег? Дождись, пока аллах сбросит их с неба!.. Нет, как хочешь, а я не упущу случая...

Глаза у Назан закатились.

— Я не позволю тебе надругаться над честью сына! — крикнула она, опуская руку на плечо Наджие.

— погоди, погоди! Если он даст мне денег, никто не станет его позорить, — попробовала высвободиться перепуганная кабатчица.

— Ты ничего не получишь! Садись! — приказала Назан, глядя на нее в упор и нажимая на плечи.

Наджие попыталась вывернуться. Напрасно! Тогда, сделав усилие, она ударила в грудь Назан головой и закричала. Ладонь Назан зажала ей рот, она свалилась на пол.

— Пусти!

— Ну нет! Я не позволю тебе позорить мое дитя!

Наджие извивалась, словно змея. Ей уже нечем было дышать под тяжестью навалившегося тела. Собрав последние силы, она рванулась. Перед глазами обезумевшей Назан замелькал быстро ходив-

ший кадык. Не помня себя, она вцепилась в ненавистное горло...

Кабатчица билась, кусалась, царапалась... Но вот руки ее упали, словно плети, тело безжизненно вытянулось.

Только тут Назан пришла в себя. Что она сделала? Задушила человека! Ее схватит полиция! А дальше? Суд? Тюрьма? Сын будет опозорен на весь город!.. Нет, это страшнее смерти!

И она ринулась в ночную тьму. Нельзя терять ни минуты...

Она бежала во тьме под свист крепчавшего ветра. Падала. Вставала. И вновь бежала, словно за ней уже гнались по пятам... Внизу шумело море. Ее обдавало брызгами волн, которые разбивались о скалы... Вот залаяли собаки. Она продолжала бежать, боясь оглянуться. Но до нее уже долетало свистящее дыхание разъяренных псов! А-а-а! Какой ужас! На нее неслась целая стая...

Она достигла самого края скалы. Ну нет, здесь ее не настигнут собаки... Только волны чернели впереди. Вот раздался грохот, словно палили из пушек. Тучи прорезала молния, озарившая черные волны, и снова все погрузилось во тьму. За ревом разгравшейся бури не слышен был короткий крик...

Перевели с турецкого

Ю. Плотников и С. Стеркина

Восточная мудрость

ИРАН

Влюбленный, не познавший горя,
не оценит счастья.

*

Любишь шурпу — носи с собой ложку.

*

Начало гнева — конец рассудку.

*

Только отдав сердце,
можно завоевать сердце.

ЛИЗАН

Дерево можно гнуть,
только пока оно молодо.

*

И самый длинный путь
начинается с первого шага.

ТУРЦИЯ

В чем различие между умным человеком и мудрецом? Умный стремится не ошибаться вовсе, а мудрец — ошибаться как можно меньше.

*

Голодный медведь не танцует.